

КОРЕЙСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ

Коллектив авторов

Корейская классическая поэзия

«Художественная литература»

УДК 82/89
ББК 84 (5Кор)

Коллектив авторов

Корейская классическая поэзия / Коллектив авторов —
«Художественная литература»,

ISBN 978-5-280-03845-5

Сборник стихотворений наиболее известных корейских классических поэтов,
перевод которых выполнен замечательной русской поэтессой А. Ахматовой в
1956 году.

УДК 82/89
ББК 84 (5Кор)

ISBN 978-5-280-03845-5

© Коллектив авторов
© Художественная литература

Содержание

Предисловие	6
Неувядаемые слова страны зеленых гор	13
I	13
Тон-дон{1}	14
Чхоёнга{2}	15
Торжественный зачин	15
Славословие Чхоёну	16
Вопрошение	16
Призыв беса лихорадки	16
Песня Чхоёна	16
Подхват песни	17
Возглас беса лихорадки	17
Возглас Чхоёна	17
Восклицание беса лихорадки	17
Согён Пельгок{3}	17
I	17
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19
Комментарии	

Корейская классическая поэзия

© Перевод А. Ахматова, 1956 г.

© Перевод М.И. Новгородова, 2017 г.

© Оформление Ю. Леонов, 2017 г.

© Издательство «Художественная литература», 2017 г.

Предисловие

Сведения об устном творчестве корейского народа восходят к первым векам нашей эры. В эпоху древности Корея не имела не только своей, но и заимствованной письменности. Поэтому основным источником сведений об этой стране служат письменные памятники великого соседа Кореи – Китая. В китайских исторических хрониках мы находим описание нравов, обычаев и устного поэтического творчества племен и народов, населявших Корейский полуостров на заре нашей эры. Судя по описаниям, это была календарная обрядовая поэзия, связанная с земледельческим бытом и мировоззрением, возникшим на этой основе. Но каковы были содержание и форма этой обрядовой поэзии, нам неизвестно. Китайские исторические источники содержат довольно подробный перечень названий песен, указывают условия, при которых они исполнялись, но тексты песен в этих источниках не приводятся.

Более точные сведения мы имеем о корейской поэзии периода образования на Корейском полуострове централизованного государства Силла (VII–X вв.). К шестому веку относятся первые попытки корейцев использовать китайские иероглифы для записи слов родного языка. С этого времени корейская поэзия на родном языке перестала быть только устным творчеством. В 888 году Ви Хон и Тэ Гю составили сборник поэзии под названием «Самдэмок».

О нем упоминает автор «Истории трех королевств» (1145) Ким Пу Сик. Но уже Ким Пу Сику этот сборник был известен только по названию. И все же до нас дошло двадцать пять поэтических произведений, записанных самым несовершенным способом, которые дают некоторое представление о характере корейской поэзии того времени. Четырнадцать стихотворений приведены в «Преданиях о трех королевствах», составленных буддийским монахом Ирёном (1206–1289). Одиннадцать помещены в «Житии Кюён» (1075). Это так называемые *сайнай* – «родные песни» или «песни Силла». Ныне они известны под названием *хянга*.

К сожалению, собирателями песен оказались буддийские монахи. Это сказалось на подборе стихотворений: многие из них содержат мотивы, навеянные буддизмом. И все же ряд произведений имеет явно народный характер. Примером может служить песня «Чхоёнга», которая позже была развернута в своего рода драматическое представление, разыгрывавшееся рядом действующих лиц (сам Чхоён, бес лихорадки, его слуги, хор) вокруг маски. Это произведение читатель найдет в настоящей антологии.

Продолжением древней поэзии эпохи Силла является поэзия эпохи Коре (X–XV вв.). Она известна нам всего по двадцати стихотворениям, дошедшим до нас в поздних записях. По этим фрагментам мы можем судить о том, что поэзия того времени носила явно ощутимый фольклорный характер. В первом разделе книги представлено четыре произведения этой эпохи. «Зеленые горы» – песня о тяжелой доле крестьянина; «Соёнген Пёльгок» – плач девушки, покинутой возлюбленным, «Чхоёнга» – обрядовая песня, о которой говорилось выше, и «Тондон». Особо следует остановиться на последнем произведении. Оно написано в излюбленной для корейской народной поэзии форме «двенадцатимесячного цикла» (так называемая форма *вольлён*). Произведения этого рода были своеобразной поэтической *темой с вариациями*: бралась какая-либо тема (например, тема неразделенной любви), и на эту тему писалось двенадцать стихотворений, приуроченных к каждому месяцу года. Тема варьировалась применительно к тем или иным событиям в жизни человека или явлениям природы, которые характерны для каждого месяца. Популярность этой народной формы была настолько велика, что даже в XVIII веке Чон Хак Ю, сын известного «реалиста»¹ Чон Як Ёна, написал «Похвалу земледелию в стиле вольлён».

¹ *Реализм* – идейное течение в Корее, боровшееся с конфуцианским лжеучением и противопоставлявшее ему реальное знание, подлинную науку.

В XV веке в истории Кореи произошли два события первостепенного значения: в 1403 году был изобретен первый в мире наборный металлический шрифт для печатания, а в 1443 году была создана корейская национальная письменность, вполне самобытная, глубоко оригинальная по своему характеру.

Тысяча четыреста сорок третий год был переломным в истории корейской поэзии. С этого времени корейская поэзия перестала быть преимущественно устной. Она стала преимущественно письменной.

* * *

Классической формой корейской поэзии XV–XVII веков является короткое стихотворение, трехстишие, по-корейски *сичжо* (третий раздел настоящего сборника). Впервые это наименование появляется в антологии корейской поэзии «Неувядаемые слова страны зеленых гор» (см. ниже). Точный смысл слова неясен. Одни толкуют его в смысле «поэзия времен года», другие как «современные напевы» в противоположность «напевам классическим», древним. Но как бы ни толковать значение слова, во всех случаях оно остается техническим термином для обозначения особой формы корейского стиха.

Форма сичжо представляет собой трехстишие, каждый стих которого разделен цезурой на два полустишия. Каждое полустишие, за исключением пятого, имеет две стопы; пятое полустишие трехстопно. Стопы неравносложны, и все-таки сичжо – это не свободный стих, так как каждое полустишие имеет определенное (хотя и колеблющееся в известных пределах) число слогов.

Стихи, написанные в форме сичжо, не читались, а исполнялись в сопровождении музыкального инструмента. Отсюда деление сичжо по декламационной манере, по мелодике на три вида: драматический, энергично-мужественный и лирический.

Темы, которые нашли выражение в сичжо, многообразны. Тем не менее для разных периодов существует своя характерная тематика, которая накладывает на каждое сичжо отпечаток породившей его эпохи.

Первый период (XV в.) – это период утверждения новой династии Ли (1392–1906), начало которого примерно совпадает с освобождением от монгольского ига (1369), с успешной борьбой против японских морских пиратов, терроризировавших население прибрежных районов Кореи. Этот период ознаменовался рядом крупных преобразований и культурными событиями первостепенного для Кореи значения. Достаточно упомянуть об изобретении наборного металлического шрифта для печатания (1403) и о создании корейской письменности. С этим периодом, естественно, связано развитие дифирамбической поэзии, образцом которой может служить «Ода летящему дракону» – первый корейский литературный памятник, записанный с помощью новой корейской письменности (1445) и представляющий собою прославление новой династии и ее зачинателей.

Защита рубежей родины от иноземцев, утверждение мира и спокойствия в стране, поддержка новой династии, выступившей с рядом преобразований, и осуждение обреченной историей прежней династии Корё – таковы основные темы и мотивы поэзии XV века, нашедшие отражение в стихах Нам И, Ким Чон Со, Чон То Чжона, Ли Чи Вана, Пак Пхэн Нёна и других.

Эти поэты сами были активными участниками всех политических событий того времени, крупными гражданскими и военными деятелями. Так, например, Нам И был крупным военным деятелем 60-х годов XV столетия; уже в возрасте двадцати шести лет он занимал пост военного министра. Ким Чон Со, прозванный «большим тигром», – автор глубоко патриотических стихотворений, вошедших в настоящий сборник. Ким Чон Со – крупный военный деятель 50–60-х годов XV столетия, отвоевавший у чжурч-женей северо-восточные районы Кореи; он был известен и как способный администратор на посту генерал-губернатора отвоеванных

районов, способствовавший колонизации этого пустынного края. Сон Сам Мун обессмертил свое имя созданием корейского национального алфавита.

Идеологической основой нового режима было конфуцианство, философское обоснование которого в работах крупного философа средневекового Китая Чжу Си было целиком воспринято корейской интеллигенцией того времени. Некоторые идеи конфуцианства развиваются и в поэзии того времени; эти идеи используют как сторонники, так и противники нового режима, например крупный философ конца XIV века Чон Мои Чжу.

Существенно изменяется тематика сичжо в следующий период, который датируется XVI – первой половиной XVII века. Этот период был особенно тяжелым в истории Кореи: война с вторгнувшимися ордами японского диктатора Хидэёси (1592–1598) и война с маньчжурами (1636) потрясли Корею. Войны разорили страну, обострили противоречия феодализма, которые давали о себе знать уже задолго до этих войн. Острая политическая и идеологическая борьба раздирала верхи корейского общества. Лучшие представители образованной его части, сами принимавшие активное участие в этой борьбе, испытывают глубокое разочарование. В области поэзии это разочарование отразилось в творчестве представителей «озерной школы» (по-корейски «*канхо мунхак*», буквально «литература рек и озер», то есть литература, воспевающая природу). Основным мотивом поэзии этого направления является мотив ухода к природе. Не находя реальных путей к разрешению социальных конфликтов, глубоко понимая бесполезность и никчемность борьбы дворянских групп между собою, поэты этой школы бичуют «глухих» и «слепых», разумея под этим светскую чернь.

Пусть гром разрушит скал гряды,
Глухим рожденный не услышит.

Пусть солнце блещет в небесах,
Слепорожденный не увидит.

Да, зрячи мы, наш чуток слух,
И все же мы слепоглухие, –

пишет Ли Хван (1501–1570), поэт и крупный ученый-конфуцианец, снискавший себе известность корейского Чжу Си.

Поэты той школы отвергают власть, знатность, чины, богатство, призывают к опрощению:

Я каши ячневой поел
И овощей отведал ранних.

Сижу на камне у воды
И наслаждаюсь бесконечно.

А всем богатствам и чинам
Совсем завидовать не стоит, –

пишет классик этого направления в поэзии Юн Сон До (1587–1642)/Ту же тему развивает и Ким Су Чжан:

Ты облако лазурное лелеешь.
Мне белоснежное милей.

Ты тешишься, что ты богат и знатен,
Мне по сердцу и бедность и покой.

И сколько б ни смеялись надо мною,
Я буду на своем стоять.

Излюбленной темой этих поэтов становится описание природы, одинокой жизни анахорета, обретшего себе новых друзей – чайку на реке, луну в небесах, сосну на скале, увлеченного необычайным для «высшего света» занятием – рыбной ловлей – и иногда позволяющего себе обратиться к более серьезным вещам: мотыге, чтобы вспахать клочок земли возле своей неприхотливой хижины, да тяпке, чтобы выполоть сорные травы.

У меня друзей немного:
Сосны, скалы и река.

А когда луна восходит,
Счастлив я тогда вдвойне.

И, поверьте, мне не надо
Никаких других друзей.

(Юн Сон До)

«Озерная школа» ввела в корейскую поэзию пейзаж с особой живописной манерой его изображения и достигла в этом большого мастерства. Особенную известность приобрели классики этого направления Юн Сон До и Син Хым (1586–1628), крупный ученый-конфуцианец и не менее крупный поэт, начавший писать стихи с десяти лет. Уже в четырнадцать лет Син Хым снискал похвалу такого литературного мастера и знатока китайской поэзии, как Сон Ми Ро («Я не способен ничему научить этого юношу!» – воскликнул Сон Ми Ро, когда Син Хым пришел к нему учиться).

Это направление характерно еще и тем, что в его недрах сложилась особая *циклическая* форма сичжо: цикл трехстиший, объединенных единой темой или ее сквозным развитием. Так, например, Юн Сон До принадлежит цикл «Пять друзей» и такое классическое произведение средневековой корейской поэзии, как «Времена года рыбака». Ли И (1537–1584) написал цикл, носящий название «Девять излучин Косана».

Тяжелые войны, которые пережила Корея, выдвинули на первый план патриотическую тему. Особенно отчетливо звучит она у Ли Сун Сина (1544–1598). Выдающийся флотоводец, создатель первых на Востоке бронированных кораблей (т. н. «корабли-черепахи»), прославленный победитель японских орд Хи-дэё-си, он был и крупным поэтом. Его единственное стихотворение, написанное на корейском языке (литературное наследство Ли Сун Сина – это поэзия на китайском языке), – представляет собою раздумье флотоводца накануне решающего морского сражения у острова Хансандо (в 1598 году Ли Сун Син был убит на флагманском корабле во время боя). Патриотическая тема звучит и в поэзии Ким Сан Хёна и в замечательном стихотворении неизвестного автора, мечтающего о том, чтобы не было больше войн и чтобы люди «перековали мечи на орала»:

Все мечи во всей вселенной
Переделать бы на метлы,

Чтобы вымести отсюда
И южан и северян.

А из метел плуги сделать
И всю землю распахать.

В конце концов и сама пейзажная лирика «озерной школы» была глубоко патриотичной, прививала любовь к родной природе, к ее красоте. Недаром одна из лучших корейских антологий носит название «Неувядаемые слова страны зеленых гор». Некоторые представители «озерной школы» сами принимали участие в освободительной борьбе корейского народа против иноземных пришельцев (например, упомянутый выше классик этой школы Син Хым).

Существенно новый этап в развитии корейской поэзии наступает со второй половины XVII века, особенно же в XVIII веке. Ощущение перелома, очевидно, испытывали и современники. Это обнаружилось в стремлении подвести итог предшествующему этапу в развитии поэзии. Такой итог подводится в двух известных антологиях корейской поэзии, вышедших в XVIII веке. Одна из них называется «Неувядаемые слова страны зеленых гор» (1727). Составлена она поэтом Ким Чхон Тхэком. В ней собрано шестьсот восемьдесят семь трехстиший и двести девяносто пять «больших стихотворений» (*чанга*). Последние представляют собой уже новую форму корейской поэзии, речь о которой пойдет ниже. Это наиболее крупный сборник корейской поэзии средних веков. Другая антология называется «Поэзия страны, лежащей к востоку от моря» (1763). Составлена она поэтом Ким Су Чжаном. В ней собрано около девяти тысяч стихотворений.

Обе антологии отражают не только прошлый, но и новый этап в развитии корейской поэзии. Их составление совпадает с выходом на историческую арену так называемого третьего сословия, с усилением роли города, с обострением классово-политической борьбы в Корее, нашедшей свое выражение в ряде крупных крестьянских восстаний, начиная с восстания под руководством Хон Кен Нэ в 1812 году и кончая всемирно известной крестьянской войной «тонхаков» в конце XIX века. В Корее развивается ремесло, торговля, быстро растут опустошенные двумя разорительными войнами города. Если в первой половине XV века столица Кореи Сеул насчитывала сто тысяч жителей, то в первой половине XVIII века в Сеуле было свыше двухсот тысяч человек.

Все идеологические основы феодализма подвергаются переоценке. В области философии большое значение приобретают те направления, которые стремятся переработать дуалистическое по своей природе учение родоначальника неоконфуцианства Чжу Си в монистическом духе, подчеркивая материальное начало мира (так называемое «ци»). Старому конфуцианскому лжезнанию передовые мыслители того времени противопоставляют реальное знание. Среди корейской интеллигенции возникает тяга к реальному знанию, нашедшая свое выражение в крупном идейном течении, получившем название *сирхак* (реализм); это течение дало своих астрономов, географов, математиков, историков, экономистов.

Аналогичные процессы происходят и в литературе. Прославленные составители упомянутых выше антологий Ким Чхон Тхэк и Ким Су Чжан в это время воспринимаются уже как последние могикане некогда мощной «озерной школы». Уже никого не удовлетворяет та тематика, которая была провозглашена корейскими «пейзажистами» как единственно достойная поэзия. Она кажется для этого периода слишком камерной, не актуальной для новых сил, выступивших на историческую арену. Все явственнее в поэзии начинают звучать новые темы. Поэзия приобретает бодрую, жизнерадостную и жизнеутверждающую окраску, проникается духом эпикурейства. Не менее важно и то, что в это время в поэзии появляется *человек*. Поэта интересуют уже не излуцины побережья у Косана, не пейзаж, а излуцины души человеческой, ее разнообразные переживания, преступные с точки зрения конфуцианской морали. Так заяв-

ляет свои права почти отсутствовавшая в предыдущую эпоху *лирическая тема*, абсолютно воспрещенная конфуцианством и использовавшаяся ранними поэтами (например, Чон Чхолом) в сугубо символическом плане, когда под возлюбленным разумеется только король, а под возлюбленной его подданный. Новая эпоха снимает с лирики этот символический налет, освобождает лирику от оков, которые стесняли ее раньше, дает место изображению подлинных чувств. Освобожденное от запрета переживание порою приобретает грубо чувственный характер в такой мере, что из-за слишком откровенного языка лирическое стихотворение превращается в свою противоположность.

Характерно, что вместе с новой темой в поэзию приходит и новый автор – женщина, как, например, прославленная поэтесса того времени Хван Чин И из Кэсона (в то время Сондо), тонкий знаток китайской поэзии эпохи Тан, одна из высокообразованных женщин того времени, вошедшая в историю корейской поэзии под именем «бессмертной».

В это же время появляются поэтические произведения и на общественно-политическую тему. Поэты не обходят и таких явлений, как торговля, ростовщичество. Они обращаются к прозе городского быта, окружающей их городской действительности. Освободившийся от конфуцианского мировоззрения человек этого времени чувствует себя как бы вновь родившимся на свет. Перед ним открылся новый, неведомый ему дотоле мир. Он и относится к нему наивно, как только что родившийся ребенок. Отсюда любование и восхищение каждой деталью, наивный анализ действительности, доходящий до удивления перед каждым новым предметом, увлечение вещью, одним ее названием.

Многие стихотворения этого времени представляют собою перечни, каталоги рыб, насекомых, растений, наименований кораблей и т. п. Все это кажется поэтическим, достойным того, чтобы о нем говорить в поэтической форме.

Старая форма камерного трехстишия явно была тесной для этой новой тематики, требующей простора. Поэтому сичжо существенно преобразуется. Это преобразование идет прежде всего по линии принижения роли строки и перехода к непрерывному чередованию ритмически организованных стоп, в основе которых лежит то же самое число слогов, что и в стопе сичжо. Здесь, таким образом, закладываются основы либо для перехода стиха в свободный, что, кстати, характерно и для корейской поэзии двадцатого века, либо для отрицания стиха как такового в пользу ритмически организованной прозы. Известно, что такие выдающиеся произведения начала девятнадцатого века, как «Повесть о Чхунхян», как раз и написаны такой ритмически организованной прозой. Эта новая форма стиха получила название *чанка* – «сложное стихотворение», или *чанга* – «длинное стихотворение». Стихи, написанные в форме чанга, вошли в четвертый раздел сборника.

Новый период в развитии корейской поэзии был характерен и еще в одном отношении. Ким Чхон Тхэк и Ким Су Чжан, знаменитые составители антологий корейской поэзии, были вместе с тем по существу последними из *известных* поэтов, пишущих в форме сичжо. Пак Хё Кван и Ан Мун Ен, составившие в 50-х годах XIX века третью антологию корейской поэзии – «Родник поэзии» (в нем помещено 452 сичжо), – были, во-первых, эпигонами этой формы, а во-вторых, исключением из общего правила. На самом деле во второй половине XVII и в XVIII веке безраздельно господствует «неизвестный автор» – явление, характерное и для прозы того времени.

Впрочем, это специфически корейское явление в немалой мере присуще и предыдущей эпохе. Конец XVII и XVIII век роднит с предыдущей эпохой и еще одно примечательное обстоятельство. Это – отсутствие индивидуальных поэтических сборников. Почти все поэты, писавшие по-корейски, представлены только в антологиях. Своих произведений они не печатали. А так как составители антологий отбирали только наиболее значительные произведения, то подавляющее большинство поэтов известно нам по двум-трем, в лучшем случае по пяти-шести сичжо. Все остальное их творчество не дошло до нас. Счастливым исключением составляет твор-

чество классика корейской поэзии XV века Чон Чхоля (1536–1593), писавшего под псевдонимом Сон Кан. Его произведения были изданы в 1749 году в виде отдельного сборника «Сон Кан каса». Два из них, написанные в форме «каса», вошли во второй раздел настоящей книги.

Безыменность и антологичность корейской поэзии – явления далеко не случайные. Надо иметь в виду, что литературным языком того времени был не корейский, а китайский. Он оставался литературным языком даже после создания корейской национальной письменности. Корейский язык долгое время считался в кругах господствующего класса вульгарным, недостойным того, чтобы выразить им высокую поэтическую мысль. Недаром в кругах феодальной интеллигенции его называли «диалектом» китайского языка, а корейскую национальную письменность – диалектальной письменностью. Естественно, что тот, кто прибегал к этому способу выражения поэтической мысли, предпочитал либо не печататься, либо оставаться неизвестным, тем более что авторами произведений выступали, как правило, крупные государственные деятели, конфуцианцы по образованию и по убеждению. Возможно, что именно отсюда идут и попытки оправдать свое творчество на родном языке «теориями» о китайском (даже просто переводном) происхождении сичжо, попытки явно несостоятельные, поскольку ничего аналогичного в китайской поэзии нет, а переводные сичжо насчитываются буквально единицами и давно выявлены корейскими исследователями. Когда тематика сичжо демократизировалась, когда в сичжо проникли городские мотивы, когда оно отвоевало себе право на лирическую тему, выступать под своим именем стало еще более рискованным. А так как новая тематика пришла в корейскую поэзию в XVII–XVIII веках, то эта эпоха и оказалась эпохой «неизвестного автора». Следует при этом отметить, что Корея все же знает индивидуальные поэтические сборники, и немалое их число. Но все они представляют собой собрания поэтических произведений, написанных на китайском языке.

Сичжо, а вслед за ним чанга – вполне самобытное корейское явление как по форме, так и по разрабатываемым темам. Но этот вид корейской поэзии испытал несомненное влияние китайской классической литературы. Многочисленные создатели стихов в форме сичжо широко использовали в своих произведениях образы китайской классической литературы, начиная с бессмертного Цюй Юаня, памяти которого в корейской поэзии посвящено немало вдохновенных строк.

Исключительное значение для Кореи имело и творчество гениального поэта средневекового Китая Ду Фу (712–770). Вскоре же после изобретения корейской национальной письменности, в 1481 году, все его произведения, давно известные корейцам и в подлиннике, были переведены и прокомментированы по-корейски. Все собрание составило двадцать пять томов и было переиздано в первой половине XVII века.

* * *

Классическая корейская поэзия переводится на русский язык впервые. Настоящий сборник состоит из четырех частей. В первую часть вошли произведения раннего средневековья, написанные в форме, присущей народной поэзии. Последующие части включают в себя произведения позднего средневековья (с XV в.): вторая часть – произведения, написанные в форме каса (XVI в.); третья часть – стихи в форме сичжо (XV–XVIII вв.); четвертая часть – стихи в форме чанга (XVII–XVIII вв.).

А. Холодович

Неувядаемые слова страны зеленых гор

I

Тон-дон^[1]

За спиною доблести держа,
Счастье держа перед собою,
Доблести и счастье мое,
Боги, мне, явившись, принесите.

В первую луну вода в реке,
Ай, то замерзает, то растает.
Появилась я на этот свет
Одинокая и всем чужая.
Ай, тон-дон-дари!

В день пятнадцатый луны второй,
Ай, в ночи фонарики сверкают,
Это друга моего лицо
Ярким светом озаряет толпы.
Ай, тон-дон-дари!

Всё под третьей расцвело луной.
Ай, как слива зацветает поздно.
Всем на зависть расцветаешь ты,
Мой любимый, позднею весною.
Ай, тон-дон-дари!

Помня про четвертую луну,
Ай, летит к нам иволга обратно.
Отчего же милый писарь мой
Прошное забыл и я забыта.
Ай, тон-дон-дари!

В пятую луну на пятый день,
Ай, все пьют целительные травы,
Выпьешь – проживешь ты сотню лет!
Поднести бы, да кому, те травы.
Ай, тон-дон-дари!

В день пятнадцатый луны шестой,
Ай, народ кидает гребни в воду.
Гребень – я: у друга побыла,
Да недолго, – брошена под берег.
Ай, тон-дон-дари!

В день пятнадцатый луны седьмой,
Ай, плоды я разложу пред буддой,
Стану будду я просить-молить,
Чтобы с милым ввек не расставаться.

Ай, тон-дон-дари!

День пятнадцатый луны восьмой,
Ай, денек искусных бабьих ножниц.
Ну, а я к любимому пойду,
Это будет тоже ножниц праздник.
Ай, тон-дон-дари!

Девять лун прошло. Девятый день.
Ай, домой несу я хризантемы
Желтые – они целебней трав.
Знак дурной: то окончанье года.
Ай, тон-дон-дари!

И пришла десятая луна,
Ай, я стала персиком с надрезом,
Ой, надрезав, бросили меня;
Кто теперь возьмет меня такую!
Ай, тон-дон-дари!

Лун одиннадцать. Я на полу,
Ай, лежу, прикрытая рубашкой,
Что осталось? плакать, тосковать,
Думу думать о любимом друге.
Ай, тон-дон-дари!

Лун двенадцать. Стала пунди я –
Ай, застойной палочкою стала,
Две такие другу б подарить,
А глядишь, другой их взял без спроса.
Ай, тон-дон-дари!

Чхоёнга^[2]

Торжественный зачин

В священные годы Силла, в славные годы Силла,
Благоденствие в Поднебесной – по доброте Рахура! –
О отец наш Чхоён!
Если б, как ты, обиды терпеливо сносили люди,
Если б, как ты, обиды терпеливо сносили люди –
Три бедствия, восемь напастей
Сгнули б навсегда!

Славословие Чхоёну

Лик и образ отца, лик и образ отца Чхоёна!
Голова утопает в цветах и склонилась от тяжести этой.
О, как лоб твой велик! – это знак твоего долголетия;
Длинные брови твои, как мохнатые брови шансяна;
Широки твои очи, словно ты на любимую смотришь;
Глубоки твои уши, затем что все слышишь на свете,
И румяней твой лик, чем на солнце согревшийся персик.
Ты в раздутые ноздри все пять ароматов вдыхаешь.
И разверсты уста, словно рот твой червонцами полон;
Белоснежные зубы твои, как глазурь или белая яшма;
Подбородок вперед выдается, затем что ты счастлив и славен,
Рамена твои никнут под грузом волшебных сокровищ;
Руки кротко легли, совершивши благие деянья.
Грудь в морщинах являет премудрость свою и отвагу;
Лоно полно твое – ведь владеешь ты всем в преизбытке.
Перетянуты чресла твой ярко-алой повязкой;
Ноги длинны твои, благоденствия мира участник,
И ступни широки оттого, что весь мир исходили.

Вопрошение

А и кто такого создал?
А и кто такого создал?
Без иголки и без ниток,
Без иголки и без ниток.
Создал кто отца Чхоёна?
Страшного такого создал?
Все роды – числом двенадцать –
Сотворили нам Чхоёна.

Призыв беса лихорадки

Веячжи, Мот и Нонни!
Мне обувь завяжите, –
А то проклятье вам!

Песня Чхоёна

По столице под луною
До рассвета прогулял я,

В дом придя, взглянул на ложе,
Вижу там две пары ног.
Две ноги жены любимой.
Ну а две другие – чьи?

Подхват песни

Вот тебя Чхоён увидит
И, как мясо, искрошит.

Возглас беса лихорадки

Обещаю я Чхоёну десять тысяч золотых,
Обещаю я Чхоёну семь сокровищ подарить.

Возглас Чхоёна

Не надо мне тысячи золотых,
Не надо семи сокровищ!
Поймите мне лихоманку.

Восклицание беса лихорадки

О, горы, о доли! За тысячу ли
Запрячьте меня от Чхоёна! –
Так изрек он, умоляя, –
бес великий лихорадки.

Согён Пёльгок^[3]

Поет девушка, которую бросил любимый. Он покидает Согён, где остается его возлюбленная. А она, стоя на берегу реки Тэдонган, по которой уезжает неверный юноша, слагает песню.

I

Девушка готова бросить все, уехать вместе с милым, чтобы только не разлучаться с ним.

Город Согён – ачжилька,
Город Согён – столица.
Ви, туоронсон, таринтири!

Этот нарядный город –
Малый Сонгён люблю я.
Ви, туоронсон, таринтири!

Лучше, чем разлучиться
С тобою, Согён я брошу.
Ви, туоронсон, таринтири!

Если меня ты любишь,
Пойду за тобой повсюду.
Ви, туоронсон, таринтири!

II

Девушка понимает, что это неосуществимо, и тогда душу ее охватывает другое чувство: пусть он уезжает, но она останется вечно верна милому.

Жемчуг, упав, ачжилька,
Вдребезги разобьется.
Ви, туоронсон, таринтири!

Но не порвется нитка,
На которой жемчуг нанизан.
Ви, туоронсон, таринтири!

Будь тысячу лет, ачжилька,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Тон-дон.

2.

Чхоёнга.

3.

Согён Пёльгок.